

Д.М. Фельдман, Д.А. Щербаков

**МАСТЕР ИГРЫ: ПОЛИТИКА И РИТОРИКА
В РОМАНЕ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО «ЧТО ДЕЛАТЬ?
(ИЗ РАССКАЗОВ О НОВЫХ ЛЮДЯХ)»**

Аннотация. Статья посвящена анализу причин, обусловивших специфику рецепции самого знаменитого романа Чернышевского, впервые напечатанного журналом «Современник» в 1863 г. Учитывая множество опубликованных мнений об этой книге – от безоговорочного отрицания ее литературной ценности до восхищения, – авторы исследования поэтапно рассматривают полемику, которая сразу же развернулась и не прекращается до наших дней. Рассмотрены также особенности политического и литературного контекстов каждого из этапов.

В статье доказывается, что роман был ориентирован прежде всего на актуальный контекст европейской политической истории рубежа 1850–1860-х годов. Он задан не только недавними поражениями революций, но и победой итальянского национально-освободительного движения, воспринятой левыми радикалами еще и в качестве алгоритма подготовки и проведения социальных революций. Идея эта эмблематизировалась именами трех героев-лидеров: идеолога конспиративной партии «Молодая Италия» Дж. Мадзини, военного руководителя восстаний Дж. Гарибальди и монархобаха Ф. Орсини.

Авторами исследования уделено особое внимание характеристике риторических приемов, использованных Чернышевским. Демонстрируется, что в романе предложены комплексы так называемых ролевых моделей, и каждая из них задана посредством художественных образов, а не только прямой дидактики. Соответственно, доказывается: романист предоставил читателям возможность самостоятельно выбрать сильный вариант социальной реализации, причем набор эталонов предложен и мужчинам, и женщинам, ориентирующимся на престижный статус «новых людей».

В статье демонстрируется, что со временем деактуализировался подразумевавшийся Чернышевским политический контекст, соответственно и визуализированные «ролевые модели». Однако полемика о романе постольку оставалась весьма ожесточенной, поскольку он ассоциировался с актуальными примерами самовоспитания и формирования ценностных систем.

Ключевые слова: Н.Г. Чернышевский; А.И. Герцен; Г.В. Плеханов; В.И. Ленин; публицистика; риторика; ролевая модель; революция; партия.

Фельдман Давид Маркович - доктор исторических наук,
профессор, Российский государственный гуманитарный университет,
Россия, Москва. E-mail: dmfeld@inbox.ru
Web of Science Researcher ID: AAS-5321-2020;
Scopus Author ID: 57212138973

Щербаков Дмитрий Андреевич – аспирант
факультета журналистики Российского государственного
гуманитарного университета, Россия, Москва.
E-mail: scherbakov.dmitri@gmail.com

**Feldman D.M., Scherbakov D.A. The Gamemaster: Politics and Rhetoric
in the Novel «What Is to Be Done? (from the Stories about the New People)»
by N.G. Chernyshevsky**

Abstract. The article explores the causes that had led to specific reception of the most famous Chernyshevsky's novel, which was originally published by the «Sovremennik» journal in 1863. Taking into account a great variety of printed opinions about the book – from complete denial of its literary merits to admiration – the authors provide a step-wise review of the polemic, which started right after the publication of the novel and which doesn't stop up to the present day. At that, analyzed is the specific political and literary context of each stage.

The authors argue that the novel was first and foremost oriented on the contemporary context of the European political history of 1850–1860s. This context was set up not only by the earlier defeats of the revolutions but also by the victory of the Italian national revolutionary movement, which was perceived by the radical left as an algorithm for carrying out social revolution. This algorithmization was emblemized in the names of the three hero-leaders: the ideolog of the conspiracy organization «The Young Italy», G. Mazzini, the war leader of the uprisings, G. Garibaldi, and the monarchomach, F. Orsini.

Particular attention is paid to the analysis of rhetoric devices used by Chernyshevsky. We demonstrate that in the novel one can find a complex of the so-called role models, and each of these models is presented by means of the imagery, not only by didactics. Thus it's argued that the author of the novel presented to the reader the freedom to choose the best suitable option of social behaviour, and the choice of the etalon was available to both men and women, as long as they were aspiring to become «the new people».

As time passed, the political context in Chernyshevsky's book was de-actualized, and so were the «role models» visualized in it. However, the polemics surrounding the novel remained quite fierce, since over the years it became associated with the new paradigms of self-discipline and value systems.

Keywords: N.G. Chernyshevsky; A.I. Herzen; G.V. Plekhanov; V.I. Lenin; journalism; rhetoric; role model; the revolution; the party.

Feldman David Markovich – Doctor of Historical Sciences,
Professor, Russian State University for the Humanities (RGGU),
Russia, Moscow. E-mail: dmfeld@inbox.ru

Web of Science Researcher ID: AAS-5321-2020;

Scopus Author ID: 57212138973

Scherbakov Dmitry Andreevich – PhD student,
Russian State University for the Humanities (RGGU),
Russia, Moscow. E-mail: scherbakov.dmitri@gmail.com

Полемика о Чернышевском, как известно, продолжается более полутора столетий. Общепринятого мнения относительно характера писателя, его личной жизни, философского и литературного наследий пока нет, и оно вряд ли будет сформировано.

В центре полемики – роман «Что делать? (Из рассказов о новых людях)». Споры о нем начались сразу же после его первой публикации журналом «Современник» в 1863 г. [Чернышевский 1863].

Примечательно, что спецификой рецепции главной книги Чернышевского было сразу же задано и осмысление деятельности автора как литератора, философа, наконец, революционера. В целом. Эта ситуация порою менялась в течение полутора столетий, но, можно сказать, по кругу: не раз возвращалась к исходному состоянию.

В полемику сразу же вступили политические оппоненты писателя. Так, 27 мая 1863 г. «Северная пчела» опубликовала статью Ф.М. Толстого «Лже-мудрость героев Чернышевского». Роман был characterized как «безобразнейшее произведение русской литературы».

На том рецензент не остановился. По его словам, роман Чернышевского еще и «полон отвратительной грязи» [Ростислав 1863].

Вступился за романиста В.С. Курочкин. Статью его – «Проницательные читатели» – опубликовал в летнем номере 1863 г. сатирический еженедельник «Искра». Азартному рецензенту из «Северной пчелы» была инкриминирована неуклюжая попытка издеваться над автором книги, даже не дочитав ее [Пр. Знаменский 1863, с. 421–429].

За романиста вступились и читатели «Северной пчелы». Соответственно, редакция принесла извинения и спустя четыре дня поместила статью Н.С. Лескова. Проблематику обозначал заголовок: «Николай Гаврилович Чернышевский в его романе “Что делать?”».

Констатировалась неслыханная популярность романа. О нем, по словам рецензента, говорили везде, причем «не шепотом, не тишком, – но во всю глотку в залах, на подъездах».

Мнения, по Лескову, полярные. Чередовались такие характеристики, как «гадость», «прелесть», «мерзость» и т.п. – все на разные тоны».

Недостатки, согласно Лескову, обусловлены своего рода антиэстетизмом Чернышевского. Потому и роман его «со стороны искусства ниже всякой критики; он просто смешон».

Этически тоже не все благополучно. Прежде всего Лесков отверг суждения Чернышевского о браке. Но роман – при всех недостатках – «явление очень смелое, очень крупное и в известном отношении очень полезное» [Лесков 1863].

Характерно свидетельство педагога и литератора Е.Н. Водовозовой, тогда – недавней выпускницы Смольного института благородных девиц. По ее словам, осенью 1863 г. в так называемых интеллигентских кружках повсеместно «шли толки о романе Чернышевского “Что делать?”» [Водовозова 1911, с. 572].

Водовозова и сама в полемике участвовала. Это был ее дебют: благожелательную рецензию на роман Чернышевского опубликовал журнал «Библиотека для чтения» в сентябрьском номере 1863 г. [Ц-ская 1863, с. 1–19].

Специфично примечание к этой публикации. Редакция заявила, что рецензия – лишь «искреннее слово женщины, сказанное очень кстати» [От редакции, с. 1].

Даже в «интеллигентских кружках» единого мнения не было. Так, в десятом номере «Отечественных записок» опубликован однозначно негативный отзыв. Чернышевский, по мнению рецензента, опубликовал лишь «неудавшуюся диссертацию в форме романа» [Дудышкин 1863, с. 205].

К 1864 г. комплект стандартных обвинений в адрес Чернышевского был сформирован. Речь шла о литературной беспомощности вообще, антиэстетизме, в частности, еще и лживости, а также пропаганде разврата.

Противникам романиста возразил М.Е. Салтыков-Щедрин. Его статья – из цикла «Наша общественная жизнь» – опубликована в третьем номере «Современника» за 1864 г.

Авторитетный публицист не утверждал, будто упреки в адрес Чернышевского беспочвенны. Но подчеркнул: опубликован «роман серьезный, проводивший мысль о необходимости новых жизненных основ».

Отмечено, что не все суждения Чернышевского формулируются удачно. При этом «всякий разумный человек, читая упомянутый выше роман, сумеет отличить живую и разумную его идею от сочиненных и только портящих дело подробностей. Но вислоухие понимают дело иначе; они обходят существенное содержание романа и приударяют насчет подробностей».

Весьма резкой была данная словно бы невзначай характеристика агрессивных противников Чернышевского – «вислоухие». Следовательно, псы цепные, набросившиеся по команде владельца на того, кто не мог защитить себя – в силу обстоятельств, современникам известных.

Но автор статьи не сообщил, в чем же «существенное содержание романа», какова «живая и разумная его идея». Подразумевалось, что это и так видят сторонники Чернышевского [Салтыков-Щедрин 1965, с. 324].

Безоговорочно позитивные отзывы были единичными. Так, хрестоматийно известна статья Д.И. Писарева «Мыслящий пролетариат», напечатанная журналом «Русский вестник» в первом номере 1865 г.

Все инвективы агрессивных рецензентов Писарев объявил не имеющими отношения к сделанному Чернышевским как писателем для общественной жизни России. Акцентировал, что опубликовано «произведение в высшей степени оригинальное и, с какой бы точки зрения вы ни взглянули на него, во всяком случае чрезвычайно замечательное. Достоинства и недостатки этого романа принадлежат ему одному» [Писарев 1865, с. 1–42].

Пропагандистский эффект романа оценил в 1865 г. П.И. Капнист, тогда чиновник Главного управления по делам печати. Оценки аргументированы в «Собрании материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие».

Судя по статье Капниста, на эффекте публикации Чернышевского не сказались усилия правительственных инстанций, препятствовавших распространению журнального тиража. Акцентировано, что роман «имел большое влияние даже на внешнюю жизнь некоторых недалеких и нетвердых в понятиях о нравственности людей, как в столицах, так и в провинциях».

Имелись в виду практические результаты. По словам Капниста, были случаи, когда «дочери покидали отцов и матерей, жены – мужей, некоторые даже решались на все крайности, отсюда вытекающие; появилась попытка устройства на практике коммунистического общежития в виде каких-то общин и ремесленных артелей» [Капнист 1865, с. 194].

Таким образом, единственная публикация романа небольшим журнальным тиражом обусловила весьма значительные общественные последствия, что и опровергало все сказанное о бездарности Чернышевского как писателя. Но тогда возникало противоречие: очевидная пропагандистская эффективность содержания при явной литературной беспомощности формы.

Противоречие это попытался снять Н.Н. Страхов – в статье «Счастливые люди». Она была опубликована в июльско-августовском номере «Библиотеки для чтения» за 1865 г.

Страхов подчеркнул: Чернышевский рассказывал о «новых людях», явлении недавнем и еще не вполне осмысленном. Тематика выбрана удачно, потому роман «останется в литературе».

По Страхову, агрессивное отрицание писательской одаренности Чернышевского обусловлено полемическим азартом рецензентов. Соответственно, подчеркивалось, что «не было в последние годы ни одного произведения, в котором было бы слышно такое напряжение вдохновения».

Однако Страхов тут же и оговорку сделал. Не без иронии отметил: «Какого рода это вдохновение – это другой вопрос».

Если верить Страхову, были у Чернышевского удачи. При этом читатель не может не констатировать «отсутствие художественного умения».

Получилось, что роман «останется в литературе», хоть у Чернышевского и не было «художественного умения». Снять противоречие Страхов не сумел [Страхов 1865, с. 142–166].

Не один Страхов пытался устранить такое противоречие. Это не удалось никому. Если уж в качестве очевидного постулируется отсутствие писательского дарования, то всегда невняты объяснения причин успеха.

Популярность романа по-прежнему росла, его обсуждали и за границей. В этом аспекте интересна эволюция оценок, данных А.И. Герценом.

Он поначалу характеризовал роман со злой иронией. Так, в письме Н.П. Огареву 17 июля 1867 г. формулировались претензии к литературной компоненте: все «гнусно написано, сколько кривлянья ... что за слог! Какое дрянное поколение, которого эстетика этим удовлетворена» [Герцен 1963, с. 157].

Некоторые суждения Чернышевского одобрены Герценом, но при этом он высмеял хваливших роман как таковой. Допустимо, что важную роль сыграли конфликты с друзьями автора.

Однако в следующем письме Огареву формулировалась иная оценка. Герцен отметил, что в романе Чернышевского есть и «бездна хорошего» [Герцен 1963, с. 159].

Похвала относилась не к литературным достоинствам. В письме сыну Герцен подчеркнул, что важно умение романиста «ставить житейские вопросы» [Герцен 1963, с. 160].

Затем и общая оценка изменилась. Герцен утверждал, что роман Чернышевского – «очень замечательная вещь» [Герцен 1963, с. 167] https://e.mail.ru/mail/ruanchor_ftn5.

Критерий новой оценки Герцен обозначил. По его словам, роман – удивительный комментарий к событиям начала 1860-х годов [Герцен 1963, с. 185].

Через много лет тему эту конкретизировал П.А. Кропоткин. Он подчеркнул, что книга писателя, за свои убеждения пошедшего на каторгу, стала для молодежи 1860-х годов «своего рода откровением и превратилась в программу, сделалась своего рода знаменем» [Кропоткин 1907, с. 306].

Понятно, что знамя – политическая цель. Необходимая для ее достижения совокупность действий, т.е. средств, названа программой.

Великая цель – общество справедливости. Чернышевский описывал и ее саму, пусть аллегорически, и целесообразные поведенческие модели. Именно это акцентировал Кропоткин.

Поведенческие модели Чернышевский демонстрировал средствами литературы, а не прямой дидактики. Приводил конкретные примеры – как «ставить

житейские вопросы» и решать их. Это была своего рода игра символами, сориентированная на актуальный политический контекст начала 1860-х годов.

Знамена и программы

События европейской истории определили тогда актуальный политический контекст. Отношение к ним Герцен выражал неоднократно. Наиболее же подробно анализировал в книге «Былое и думы».

Как рубеж воспринял Герцен парижские события 1848–1851 гг., обусловившие его длительный мировоззренческий кризис. Можно сказать, фронтальную переоценку идеологических установок, соотнесенных с историей Великой французской революции.

Если точнее, герценовские идеологические установки были соотнесены с так называемой исторической мифологией Великой французской революции. Она, как известно, формировалась стараниями либеральных европейских историографов, причем к 1820-м годам откровенно апологетический дискурс стал доминирующим (см. подробнее: [Одесский, Фельдман 2012, с. 115]).

Герцен, по его словам, чуть ли не с детских лет стал апологетом пресловутого якобинизма. Именно якобинских лидеров и считал настоящими революционерами, т.е. бесстрашными и бескомпромиссными сторонниками идеи общества справедливости ([Герцен 1963, с. 64]; см. подробнее: [Туниманов 1994]).

Якобинский террор Герцен не оправдывал. Лишь признавал такую политику обусловленной стечением неблагоприятных обстоятельств, а жертвы – издержками борьбы с противниками революции.

Издержек, по мнению герценовских единомышленников, можно избежать, когда победит грядущая революция. Террор не понадобится, не будет и бонапартизма, а также реставрации монархии – в итоге.

Февральские события 1848 г. в Париже были восприняты Герценом с энтузиазмом. Очевидным казалось продолжение традиций Великой французской революции: группа радикалов, называвших себя преемниками якобинцев, опираясь на сформированные в столичных предместьях отряды рабочих, вынудила короля отречься, после чего заявила о созыве Учредительного собрания для создания республиканской конституции.

В июне парижская ситуация изменилась. Новое правительство не решило экономические проблемы, и вскоре предместья столицы опять восстали. Однако восстание рабочих жестоко и быстро подавили войска, применившие артиллерию на улицах, не обошлось и без массовых расстрелов пленных. В декабре неоякобинцы проиграли выборы, а выиграл их обещавший вернуть так называемый золотой век империи наполеоновский племянник. Четырех

лет не минуло, и президент, монополизировав власть, объявил себя императором – Наполеоном III.

Поражение революции можно было вновь объяснять стечением неблагоприятных обстоятельств. Но в 1852 г. очевидной казалась закономерность: преемники якобинцев ликвидируют монархию, санкционируют массовые убийства, т.е. террор, после чего к власти приходит наследник Бонапарта, а итог – реставрация монархии.

Конечно, масштаб событий иной. Однако на уровне символов повторялась история, и это был даже не тупик, а порочный круг: Деспотизм-Якобинцы-Республика-Террор-Бонапарт-Реставрация.

Многими интеллектуалами такое совпадение было осмыслено как идеологическая катастрофа. Что еще и усугублялось поражением всех европейских революций 1848–1849 гг. Порочный круг с необходимостью подразумевал отсутствие перспективы. Бездна.

От надежд все же не отказались. Потому что отторжение якобинизма не подразумевало с необходимостью отказ от революционной идеологии в целом.

Как известно, левые радикалы, включая российских, занялись выяснением причин, обусловивших порочный круг. В итоге признали виноватой пресловутую буржуазию, возложив также вину за террор на прежних лидеров революционного движения – в качестве носителей «буржуазного сознания» (см., напр.: [Бакунин 1989, с. 232–233]).

На уровне гипотез выглядел разорванным порочный круг. Многим казались тогда очевидными причины былых конечных неудач.

Постулировалось, что прежние революции совершались большинством, но в интересах меньшинства, т.е. буржуазии, под ее руководством, а когда она достигала свои цели, применяла террор, подавляя массовое революционное движение. Вот почему не было создано общество справедливости.

Отсюда следовало, что новые революции – антибуржуазные – должны совершаться по-прежнему большинством, но только в его интересах, подавлять тогда придется незначительное меньшинство, и террор не понадобится. В итоге же удастся создать общество справедливости.

Террор был признан орудием реакции, применяемым для подавления большинства меньшинством, буржуазией. Но оставалось неясным, какой же инструмент позволит истинным революционерам обойтись без массового кровопролития в ситуациях захвата и удержания власти (см., напр.: [Одесский Фельдман 2012, с. 115–120]).

Решение подсказывал опыт. В первую очередь – деятельность Ф.М. Буонаротти, публициста якобинского толка, бывшего комиссара Конвента, создателя ряда конспиративных революционных организаций (см., напр.: [Eisenstein 1959; Далин 1963; Черткова 2003]).

До поры такой опыт не считался актуальным, но отношение к нему изменилось на рубеже 1850–1860-х годов, когда многолетняя борьба завершилась победой итальянского национально-освободительного движения. Именно тогда образцом стала централизованная конспиративная организация, изначально получившая название «Молодая Италия». Позже название менялось, идеологом же и руководителем оставался Дж. Мадзини [Кирова 1981].

Герцен им восхищался. Акцентировал, что тот буквально покрыл всю итальянскую территорию сетью тайных организаций, чью деятельность финансировали сочувствующие национально-освободительному движению – аристократы, торговцы, в общем добровольные помощники. Сам лидер жил в эмиграции, оставаясь недостижимым для противников, а вездесущие эмиссары «Молодой Италии» контролировали подполье, руководили его деятельностью, готовили восстания, подчиняясь указаниям Мадзини, «руководимого старцем Буонаротти» [Герцен 1956, с. 66–67].

Значительных удач восстания не принесли, однако национально-освободительное движение ширилось, и незыблемым оставался авторитет идеолога. Ближайшим его соратником был, как известно, Дж. Гарибальди, прозванный «народным полководцем».

Его признали героем даже враги. Сравнение с ним, по словам В.Г. Короленко, революционеры 1860-х годов считали особенно лестным [Короленко 1954, с. 192].

Другим эталонным героем борьбы за независимость и объединение Италии считался Ф. Орсини, предпочитавший, в отличие от «народного полководца», действовать индивидуально. Учитывая, что подавлению итальянских восстаний способствовала политика Франции, поддерживавшей Австрию, он совершил в 1858 г. покушение на французского императора. Для этого использовал три начиненные порохом гранаты, что привело к многочисленным жертвам среди прохожих, сам покушавшийся был ранен, однако Наполеон III остался невредим [Раске 1957, р. 38].

Вскоре Орсини разыскала и арестовала полиция, он был осужден и гильотинирован. Перед казнью отправил письма Наполеону III, призывая французского императора отказаться от поддержки Австрии, содействовать освобождению и объединению Италии [Орсини 1934, с. 488].

Мужеством и непреклонностью Орсини восхищались многие французы, даже Наполеон III. Итальянского героя восторженно характеризовал и Герцен.

Но тут не только в мужестве и непреклонности дело. После казни инсургента полутора лет не минуло, как он был признан не только героем-мучеником, а еще и победителем: Франция поддержала итальянское национально-освободительное движение, повстанцы, наконец, победили, и Наполеон III публично объяснил, что Орсини убедил его в правоте итальянцев.

Обществом было принято объяснение, полемика же об истинной мотивации французского императора вряд ли уместна. Существенно, что мадзиниевская организация к 1859 г. оказалась такой силой, какую стоило поддержать уже по соображениям политической целесообразности.

Имена прославленных лидеров итальянского национально-освободительного движения стали тогда символами, причем уже революционными. По совокупности они характеризовали инструментарий успешного восстания: Мадзини–Гарибальди–Орсини – это массовая, но жестко централизованная конспиративная организация с недостижимым для противников руководством за границей, ядром из профессиональных эмиссаров, «народным полководцем», всегда готовым возглавить повстанцев, и героем, взрывом бомбы меняющим ход истории.

Такая концепция революционного инструментария была воспринята как средство, позволяющее разорвать порочный круг. Появился и соответствующий термин – «партия мадзиниевского типа».

Она предназначалась не для парламентской борьбы. Ей надлежало стать инструментом захвата и удержания власти. Кроме того, «партия мадзиниевского типа» – школа административного персонала, среда его обучения и воспитания. Навыки управления должна была формировать деятельность профессионального революционера, воспитывали же опасности и лишения подпольной работы. Подразумевалось, что прошедшие испытания подпольем докажут таким образом свое бескорыстие, преданность идее.

Итальянский опыт рассматривался как образец, при этом специфика национально-освободительного движения игнорировалась. Так, в 1862 г. П.Г. Заичневский нелегально выпустил прокламацию нового революционного сообщества, обозначив прагматику заголовком: «Молодая Россия» (см., напр.: [Балагуров 1972, с. 202–205]).

Как известно, создать такую организацию Заичневскому не удалось, да и сам он не отрицал якобинскую практику. Существенна же данная в заглавии документа ссылка на итальянский опыт профессионализации, неважно с какой целью – революционной или национально-освободительной.

В среде русской эмиграции Герцена и Огарева прочили на роль идеологов новой партии – «мадзиниевской». Оба, как свидетельствует их единомышленник, долго не решались принять такой статус, несмотря на уговоры. Но в 1862 г., наконец, согласились (см., напр.: [Кельсиев 1989, с. 375–376; Одесский, Фельдман 2012]).

Уместно вновь подчеркнуть: сама идея партии с организационным ядром революционеров-профессионалов стала популярной на рубеже 1850–1860-х годов, ее эффективность признали и якобинисты, и антиякобинисты, социалисты и анархисты. Эмблематизировалась же она своего рода триадой имен-символов: Мадзини–Гарибальди–Орсини.

Эталоны в ассортименте

Единомышленники Чернышевского увидели в его романе, можно сказать, проекцию «мадзиниевского» опыта на русскую действительность. Однако важен был не только актуальный политический контекст. Еще и литературное его отражение.

Как известно, отражением социальных тенденций считался роман И.С. Тургенева «Отцы и дети». Впервые опубликованный журналом «Русский вестник» в 1862 г., вскоре он вышел отдельным изданием [Тургенев 1862, с. 473–663].

Исследователями не раз указана преемственная связь романов. Чернышевский ее акцентировал.

Так, Базаров и Кирсанов – студенты Военно-хирургической академии. Учатся там и два героя романа Чернышевского.

Один из них, соответственно, Кирсанов. Фамилия другого – Лопухов – аллюзия на суждение Базарова, подчеркнувшего, что не собирается жертвовать собой только ради улучшения жизни крестьянина: «Ну, будет он жить в белой избе, а из меня лопух расти будет; ну, а дальше?»

Характерно, что выбор Базарова не противоречит его социальному положению. Внук крестьянина и сын лекаря, выслужившего дворянство, он повторяет отцовский путь. Кирсанов же – из аристократической, пусть и несколько обедневшей семьи, где медицина считалась занятием, не подобающим дворянину. Но в конце 1850-х годов ситуация изменилась. Крымская война выявила катастрофический дефицит инженеров, врачей, да и вообще специалистов в естественно-научных областях. Значительно вырос престиж соответствующих профессий, они стали модными. Эту тенденцию и отразил тургеневский роман.

По словам Кирсанова, друг его станет выдающимся ученым-медиком. Но также отмечено, что это не главное в жизни Базарова.

Целеполагание Базарова обозначено в романе. Речь идет о разрушении, без которого невозможно строительство. Но прямо не сказано, что же намерен построить будущий медик.

О своем целеполагании он лишь проговаривается, когда объясняет сокурснику, почему их пути непременно разойдутся. Кирсанов решил обзавестись семьей, у него появилась другая цель, значит не создан он для жизни «горькой, бобыльной».

Ключевое слово в этой характеристике – «бобыльной». Семья помешает достижению главной жизненной цели. Кирсанов выбирает другой путь, что и констатирует Базаров: «В тебе нет ни дерзости, ни злости, а есть молодая смелость да молодой задор; для нашего дела это не годится».

Дело Базарова характеризуется как «наше», однако тут нужны другие товарищи. В их число не входят подобные Кирсанову: «Вы, например, не деретесь – и уж воображаете себя молодцами, – а мы драться хотим».

Политический контекст рубежа 1850–1860-х годов подсказывал, с кем намерены драться Базаров и его истинные товарищи. Они ставят политическую цель, ради нее всем готовы жертвовать, вот и жизнь у них «бобыльная». Таких намеков хватало, пока итальянский контекст был актуален. Со временем они стали туманными.

Ясным оставалось только, что в романе Базаров не занят своим главным делом. Умирая от заражения крови, он в бреду осмысляет жизненную цель: «Я нужен России... Нет, видно, не нужен».

Споры о подтексте базаровских суждений продолжаются. Но анализ интерпретаций не входит в нашу задачу. Применительно к ней важно, что Чернышевский использовал, можно сказать, инерцию популярности тургеневского романа. Обозначив преемственность, указал, к чему должны стремиться «новые люди», какого рода соображениями руководствоваться.

Конечно, в подцензурном издании не могло быть упоминаний о революционной «партии мадзиниевского типа». Но вполне распознаваемыми оказались, если пользоваться современной терминологией, «ролевые модели».

Прежде всего, «новые люди» минимизируют свою зависимость от правительства на уровне социально-экономическом. Для этого выбирают соответствующую область деятельности – медицину.

Вполне очевидна прагматика: находящийся на российской государственной службе всегда зависим от начальства. Медик же может, выйдя в отставку, заняться частной практикой. Наконец, в социалистическом будущем профессия врача тоже останется востребованной. Так обозначено «что делать» на уровне алгоритма.

Объяснено и как делать – применительно к профессии, выбранной Лопуховым и Кирсановым. Чтобы стать высококвалифицированным медиком, нужно читать специальную литературу на французском и немецком языках, поэтому методы их быстрого освоения характеризуются в романе.

Лопухов сносно владеет французским, а для освоения немецкого нанимает жилье в семье немцев, где по-русски почти не говорят. Такой метод позже назовут погружением в языковую среду.

Немецким сносно владеет Кирсанов. Для освоения же французского использует перевод на этот язык Нового завета, многократно перечитывая с детских лет знакомую книгу. Такой метод позже назовут заучиванием параллельных текстов.

Кстати, знание иностранных языков требовалось не только для обучения профессии врача. Актуальным политическим контекстом подразумевались

международные связи революционной партии. Ее эмиссаром и становится Лопухов, уехав за границу.

Самый яркий пример «ролевой модели» – Рахметов. Не случайно он характеризуется повествователем как «особенный человек».

Читатели угадывали в Рахметове одного из лидеров грядущей революции. Идейное лидерство не исключалось, но прежде всего обозначались качества, традиционно приписывавшиеся Гарибальди и Орсини: непреклонная воля, непререкаемый авторитет, способность переносить лишения, отвага и удивительная физическая сила.

Чернышевский указал и способы формирования таких качеств. На уровне алгоритмов демонстрировал, «что делать» и каким образом.

Рахметов начинает с формирования теоретического багажа, обязательного для лидера. Читает сутками, буквально валясь от усталости, возобновляя работу после коротких перерывов. Требующийся объем теоретических знаний получен за полгода, срок не такой уж малый, если учесть интенсивность подготовки.

Неважно, в какой мере такой метод реализуем. Важно, что определен принцип теоретической подготовки: концентрация.

Затем Рахметов воспитывает непреклонную волю. Для проверки результата использует экстремальные средства, воспроизводя популярный номер ярмарочных фокусников: подолгу лежит на доске, из которой торчат по всей поверхности острия множества гвоздей.

Неважно, в какой мере такой метод контроля реализуем – без специальной подготовки. Важно, что определен алгоритм. Это вынуждение: боль от впившихся в тело гвоздей требует прекратить самоистязание, но воля подчиняет себе тело.

Следующая задача – добиться непререкаемого авторитета в среде так называемых народных масс. Принято было считать, что простонародье уважает физическую силу, соответственно Рахметов ее развивает. Алгоритм тот же – вынуждение.

Чернышевский обозначал связь с общеизвестным контекстом российской культуры. Развивать силу посредством регулярных упражнений традиционно вменялось в обязанность военным служащим, для этого им предоставлялось соответствующее оборудование, большинство же читателей романа о «новых людях» были избавлены от физического труда и не имели навыков самостоятельного развития мышц. Вот почему Рахметов становится бурлаком, грузчиком, т.е. вынуждает себя переносить тяжелейшие мышечные нагрузки постоянно и в течение длительного срока.

Характерно, что опять дан практический совет. Чтобы ускорить развитие мышц Рахметов ест преимущественно говядину. В современной терминологии – держит «белковую диету».

Жизнь Рахметова можно характеризовать именно как «бобыльную». Перспектива создания семьи лишь обозначена – в неопределенно далеком будущем. До поры этот герой принципиально одинок.

Следуя риторическим традициям, Чернышевский не утверждал в сознании читателей-современников единственно достойную «ролевую модель», а предлагал своего рода комплекс эталонов. Каждому читателю предоставлялась возможность самостоятельно выбрать посильный.

Для тех, кто счел бы непосильной «ролевую модель» Рахметова, – лопуховская. Не лидер, а лишь профессиональный эмиссар революционной «партии мадзиниевского типа».

Такой вариант тоже не всем по силам. Но опять выбор остается: кирсановская «ролевая модель». Друг Лопухова – семьянин, преуспевающий врач, ученый, ему не приходится непосредственно решать политические задачи, он лишь помощник эмиссаров партии.

Женские «ролевые модели» в романе тоже визуализированы. Разумеется, с учетом актуальной правовой специфики.

По Чернышевскому, спутницей Рахметова может стать лишь его помощница в главном деле. Значит, она тоже профессиональный революционер, «особенный человек».

Более доступный вариант – «ролевая модель» Веры Павловны. Она указывает престижную форму женской социальной реализации вне семьи.

Это актуальная проблема в условиях Российской империи начала 1860-х годов. Поскольку женские права ограничены законодательно, постольку женщина практически лишена возможности получить образование, позволяющее обрести профессию, которой обеспечивалась бы экономическая независимость. Вот почему героиня Чернышевского, выбрав предпринимательство как сферу деятельности, организует сеть швейных мастерских. Это и доходное предприятие, и своего рода кооператив, где совместный труд воспитывает работниц, а также предоставляет им социальные гарантии.

Неважно, в какой мере была реализуема сама идея швейных мастерских. Важно, что Вера Павловна выбрала интеллектуальную деятельность, стала организатором, доказав таким образом, что в этой сфере женщина – даже при законодательном ограничении ее прав – конкурентоспособна.

Если и такая «ролевая модель» не по силам, выбор остается. Это подруга Веры Павловны, тоже вовлеченная в социальную деятельность, но как исполнитель, а не организатор и руководитель.

Судьба Веры Павловны – в центре романа. Закономерно, что именно о ней и рассуждали оппоненты романиста, инкриминируя ему проповедь разврата. Чернышевский же посредством визуализации «ролевых моделей» характеризовал алгоритмы самовоспитания и создания ценностных систем.

По Чернышевскому, худшая женская участь – жить продажей своего тела, причем неважно, какова социальная роль: проститутка, содержанка богатого офицера или жена нелюбимого мужа. На уровне модели прагматика все равно сводима к проституции.

Героиня романа отвергает навязываемые матерью роли содержанки богача и жены нелюбимого мужа. Лопухов же, не претендуя на Веру Павловну, предоставляет ей возможность посредством фиктивного брака избавиться от родительской власти.

Неважно, реалистично ли описание их совместной жизни. Важно, что такова модель отношений «новых людей»: мужчина помогает женщине, уважая ее права.

Чернышевский по-семинарски обстоятельно, визуализируя каждый аргумент, доказывает: Вера Павловна влюбилась в Кирсанова не из-за того, что Лопухов ее ожиданиям не соответствовал. На уровне быта и спальни к мужу никаких претензий нет, а героиня полюбила другого.

Сама постановка такой проблемы считалась тогда скандальной. В романе же Рахметов объясняет героине, что ее интенции не противоречат этике «новых людей»: безнравственно сохранять брак, если нет любви.

Однако развод по инициативе жены – задача, решавшаяся тогда в исключительных случаях, например если речь шла о преступнике, а инициированная мужем процедура всегда подразумевала унижение женщины. Соответственно, Лопухов инсценирует самоубийство.

Драматический эффект минимизирован. Читатель сразу узнает: мнимый самоубийца позаботился, чтобы в его гибели чужие не сомневались, а свои были заранее извещены о благополучном исходе.

Неважно, в какой мере описание ситуации реалистично. Важно, что алгоритм обозначен: мужчина жертвует своими личными интересами ради соблюдения прав женщины. Опять же, для Лопухова инсценированное самоубийство подразумевает не социальное небытие, а переход к новой «ролевой модели».

Своего рода идеологическую платформу «новых людей» Чернышевский тоже обозначил. Это пресловутая «теория разумного эгоизма».

Чернышевский учитывал, что название может быть сочтено плеоназмом. Соответственно, изменил телеологическую конструкцию: если счастье – не богатство и слава, а душевная гармония, достигаемая посредством уменьшения зла в мире, значит следующий этой установке лишь кажется альтруистом, тогда как на самом деле он эгоист, но разумный.

Такая этическая концепция оригинальной, конечно же, не была. Это не раз отмечалось исследователями [Плеханов 1910, с. 111–112].

Но романист и не маскировал заимствования. В частности, когда аллегорически описывал будущее общество справедливости. Указав, «что делать»

и каким образом, Чернышевский визуализировал конечный результат, буквально играя символами.

По кругу

Со временем популярность романа не уменьшалась, хотя первая журнальная публикация оставалась единственной до революции 1905 г. Цензурной установкой переиздания были исключены.

Как известно, оппоненты Чернышевского вели полемику и на уровне литературы. Появился даже ставший общеупотребительным термин «антиингилистические романы» [Thorstensson 2013, p. 19–21].

Инструментарий же критики почти не менялся. Так, в спор вступил М.Н. Катков, чью статью в июне 1879 г. опубликовала газета «Московские ведомости».

Стандартным был набор инвектив. Катков пытался еще и высмеять результаты публикации романа, заявив, что «новые люди разошлись или сами собою, или разосланы на казенный счет по градам и весям...».

Здесь ключевые слова – «разосланы на казенный счет», т.е. в ссылки и тюрьмы. Но констатировалось и появление новых поколений читателей, увлеченных, по мнению критика, не столько идеями нового общества, сколько новизной сказанного о Чернышевском браке, что Катков иронически характеризовал как «философию скотоподобия».

Ирония оставалась единственно действенным аргументом. Соответственно, Катков утверждал: «Как мусульмане чтут Коран, так читается поклонниками “нового слова” роман Чернышевского “Что делать?”» [Катков 1879].

В этом аспекте примечательно суждение В.Н. Фигнер. Она утверждала, что не была увлечена философскими аспектами романа, из героев же заинтересовал «только Рахметов, его аскетизм» (цит. по: [Красовский 1982, с. 354]).

Имелась в виду «ролевая модель». Судя же по биографическому контексту, не только рахметовская. Как известно, Фигнер выбрала профессию врача, училась и за границей, вела пропагандистскую работу, на исходе 1870-х годов стала одним из лидеров партии «Народная воля», участвовала в подготовке нескольких покушений на царя и высокопоставленных администраторов.

Катковская ирония оказалась неуместной, когда речь шла о народовольцах, проявивших рахметовское упорство, отвагу и жертвенность. Гибель Александра II вновь напомнила о бомбах Орсини.

Эффект выглядел даже более масштабным – сначала. Орсини не убил императора, а народовольцы свой план реализовали.

Но в обоих случаях убийство монарха было не целью, а средством. При этом Орсини считался победителем, народовольцы же не победили: террором

не удалось дестабилизировать империю, планировавшаяся волна крестьянских мятежей так и не поднялась, режим самодержавия сохранился.

Значительно уменьшилась тогда популярность ранее культового романа. Прогнозы Чернышевского не сбылись, они многими, даже его прежними адептами, характеризовались как несбыточные.

Традиционно 1880-е годы считаются периодом реакции. Очередным и наиболее значительным – после декабристского поражения и полной неудачи так называемого хождения в народ. Разочарование в методах подготовки революции обусловило кризис революционной идеологии.

Но и этот период нельзя характеризовать однозначно. Росло количество интеллектуалов, увлеченных социалистическими концепциями, труды К. Маркса и Ф. Энгельса в оригинале и переводах изучали участники многочисленных «кружков самообразования».

Чернышевский вновь стал авторитетным писателем. Вопреки распространенному мнению смерть его не осталась незамеченной в 1889 г. Печатались некрологи, а затем журнал «Русская старина» опубликовал статью, где автор культового романа характеризовался как «новатор во взглядах на искусство и общественные вопросы» [Смирнов 1890, с. 449–465].

В начале 1890-х годов его имя стало уже своего рода символом не только стойкости, верности убеждениям, но и писательского успеха. Об этом в цикле опубликованных за границей статей рассуждал Г.В. Плеханов (см., напр.: [Плеханов 1892, с. 144–194]).

Он не отвергал сказанное про «отсутствие художественного умения». Но, по обыкновению защитников Чернышевского, акцентировал противоречие: романист бездарен, а роман неслыханно популярен.

Споры о романе продолжались с большей или меньшей интенсивностью, сообразно изменению политического контекста. Общеизвестная аллюзия на них – заглавие изданной в 1902 г. за границей брошюры В.И. Ленина: «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения» [Ленин 1902].

17 октября 1905 г., как известно, императорским манифестом была отменена предварительная цензура. Фактически она стала нефункциональной гораздо раньше, и М.Н. Чернышевский – сын писателя – опубликовал собрание сочинений отца, куда вошел и культовый роман. Десятитысячный тираж в две недели раскуплен, следующий тоже реализован с необычайной скоростью [Манова 2007, с. 89].

Успех констатировали не только рецензенты в периодике. Так, В.С. Соловьев, характеризовал автора культового романа как «мудрого и справедливого человека» [Соловьев 1908, с. 282].

Поражение революции 1905–1907 гг., конечно же, сказалось на популярности романа Чернышевского. Но вскоре читательский интерес оказался вновь на прежнем уровне.

Восторженно характеризовал и роман, и автора В.Е. Чешихин-Ветринский, чья статья «Литературно-критическое движение шестидесятых годов» опубликована в пятитомной «Истории русской литературы XIX века». Примечательно же, что это издание, подготовленное известными филологами под редакцией академика Д.С. Овсяннико-Куликовского, не попало в список официально рекомендованных для средних и высших учебных заведений Российской империи [Чешихин-Ветринский 1909, с. 71–159].

Такова была официальная концепция на исходе 1900-х годов. Игнорирование. К этому времени изменения политического контекста обусловили и другой подход к роману. Можно сказать, критику в иной плоскости. Наиболее ярко это продемонстрировал Ю.И. Айхенвальд в предисловии к очередному переизданию откровенно полемической книги «Силуэты русских писателей».

Айхенвальд утверждал, что и после отмены предварительной цензуры критерии оценки художественного произведения ориентированы, как прежде, на политическую борьбу. В аспекте же эстетики очевидно: «С романом Чернышевского “Что делать?” русской литературе нечего делать...».

Разумеется, Айхенвальд не отрицал уместность политической борьбы в прошлом и настоящем. Но утверждал, что роман Чернышевского интересен лишь историку общественной мысли и социологу [Айхенвальд 1911, с. IV].

Установка эта отражала тенденцию. Ее возникновение закономерно: деактуализировались в Российской империи легендарные европейские образцы, появился, можно сказать, отечественный пантеон героев-революционеров, потому вне политического контекста 40-летней давности, памятного уже многим, утратили актуальность и «ролевые модели», визуализированные Чернышевским.

В 1910-е годы некогда культовый роман быстро теряет популярность. Остается своего рода инерция почитания. Ну а вскоре события Первой мировой войны радикально изменили политический и литературный контексты.

Почти не изменилась эвристическая ситуация и с началом советской эпохи. Гражданская война актуализовала иные литературные образцы, пополнился своего рода пантеон героев-революционеров, среди них оказался Чернышевский, но – и только.

Формирование очередной концепции осмысления романа Чернышевского началось уже во второй половине 1920-х годов. Это была идеологическая установка советского правительства.

Реализовать ее пытался А.В. Луначарский, возглавлявший Народный комиссариат просвещения. Он утверждал, что автора культового романа следует восстановить в правах именно как писателя [Луначарский 1928, с. 17–40].

У наркома были и авторитетные оппоненты в партийной элите. Н.К. Крупская, например, заявила в печати о восхищении мужа романом

писателя-революционера, но при этом саму книгу характеризовала как «малохудожественную, наивную» ([Крупская 1983, с. 97]; ср.: [Крупская 1927]).

Однако в итоге утвердилась предложенная Луначарским парадигма. Установление советского режима пропагандистски интерпретировалось как логическое завершение дела жизни Чернышевского. Началась своего рода канонизация культового романа и его автора.

Чернышевский был официально признан классиком русской литературы, его роман включен в обязательную программу средней школы. Полемика исключалась в такой ситуации (см., напр.: [Абрамович, Брайнина, Еголин 1939]).

В честь писателя-революционера называли города и улицы, речные и морские суда. Учебные заведения тоже: с 1922 г. Саратовский университет – имени Чернышевского, аналогично и созданный через девять лет Московский институт философии, литературы и истории.

Но в феврале 1956 г. доклад Н.С. Хрущёва на XX съезде КПСС обозначил изменение пропагандистского инструментария. Под угрозой оказались ранее неоспоримые авторитеты.

Соответственно, в августе 1957 г. журнал «Вопросы литературы» опубликовал фрагмент воспоминаний эмигранта о Ленине. По словам мемуариста, лидер большевиков утверждал, что «недопустимо называть примитивным и бездарным роман “Что делать?” Под его влиянием сотни людей делались революционерами. Могло ли это быть, если бы Чернышевский писал бездарно и примитивно? Он, например, увлек моего брата, увлек и меня. Он меня всего глубоко перепахал» (цит. по: [Валентинов 1957, с. 132]; ср. [Валентинов 1953, с. 103]).

Так был вновь задан официальный дискурс. Но 30 лет спустя опять начались изменения. В качестве предтечи большевиков Чернышевский объявлен актуальным идеологическим противником. С началом постсоветской эпохи установка на забвение его наследия стала официальной, роман из школьной программы исключен [Обязательный минимум 1999].

Вузовские программы тоже отразили политические изменения. Для большинства российских школьников и студентов знаменитая книга оказалась вне истории литературного процесса, значит, без осмысления осталась и полемика о романе, в которой участвовали классики русской литературы XIX–XX вв. Попытки оспорить такую установку были единичными [Елифеева 2007, с. 239–248; Вдовин 2009, с. 415].

Однако ситуация опять менялась. Характерный пример дискредитации официальной установки – опубликованная журналом «Дилетант» в первом номере за 2012 г. статья Д.Л. Быкова «Тайна Чернышевского».

Поначалу Быков чуть ли не солидаризовался с оппонентами Чернышевского. Так, заявил: «Сколько читаю “Что делать?” – столько пытаюсь понять: что, собственно, там глубоко перепахало Ленина...».

Далее же демонстрируется, что по модулю агрессивное деканонизирование тождественно азартному канонизированию. Плюс ли, минус ли, в любом случае научный анализ исключен: «Чернышевский представляет собою загадку почти неразрешимую – если не отрешиться от взглядов на него, внушенных нам советской тупой интерпретацией, и не посмотреть на его взгляды и творчество так же, как смотрели современники “Современника”. Тогда вместо скучнейшей фигуры перед нами окажется таинственнейшая, далеко еще не понятая».

Согласно Быкову, роман – не констатация и не прогноз. Чернышевский рассуждает о самовоспитании: «пусть “новых людей” еще нет, но они будут, и вот романист показывает, какими, с его точки зрения, им надлежит быть».

Такова, по Быкову, главная идея романа. Вопрос Чернышевским формулируется в заглавии, читателю же нужно уяснить, как действовать «в безвременье, что вообще делать, когда делать нечего? Ответ элементарен, в нем четыре буквы: СЕБЯ».

По Быкову, на этот вопрос Чернышевский и себе ответил. Итог самовоспитания – «не нигилист, а герой, мученик и неплохой писатель».

Так был дан ответ на вопрос, поставленный Быковым в начале статьи, – о причинах, обусловивших специфическое отношение к роману. Агрессивное отрицание наряду с восхищением.

Быков не анализировал «ролевые модели» в аспекте риторической техники. Не ставил такого рода задачи. Однако на уровне прагматики их постановка в статье обозначена [Быков 2012, с. 86–92].

Полемика с идеологией советского режима постепенно утратила прежнюю актуальность, задача же изучения риторической игры в романе Чернышевского по-прежнему актуальна. Мы попытались лишь формализовать один из возможных подходов к решению.

Библиография

Абрамович Г.Л., Брайнина Б.Я., Еголин А.М. Русская литература: Учебник для 9 класса средней школы. М.: Учпедгиз, 1939. Часть 2. 208 с.

Айхенвальд Ю.И. Предисловие к третьему изданию // Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерева и К°, 1911. Изд. 3-е. С. I–L.

Бакунин М.А. Кнута-германская империя и социальная революция // Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М.: Правда, 1989. С. 188–290.

Балагуров Я.А. Автор «Молодой России» (О Петре Григорьевиче Заичневском) // Вопросы истории. 1972. № 7. С. 202–205.

Быков Д.Л. Тайна Чернышевского // Дилетант. 2012. № 1. С. 86–92.

Валентинов Н.В. Встречи с Лениным. Нью-Йорк: Chalidze, 1953. 356 с.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

- Валентинов Н.В. Из книги «Встречи с В.И. Лениным // Вопросы литературы. 1957. № 8. С. 126–134.
- Вдовин А. XXX Международная конференция «Чернышевский и его эпоха» (Саратов, 23–24 октября 2008 г.) // Новое литературное обозрение. 2009. № 96. С. 415–419.
- Водовозова Е.Н. Среди петербургской молодежи шестидесятых годов. СПб.: Типография 1-й СПб. труд. артели, 1911. Ч. 3. С. 570–608.
- Герцен А.И. Письма 1867–1868 годов. Кн. 1 // Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 29. 391 с.
- Герцен А.И. Былое и думы // Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 10. 536 с.
- Далин В.М. Комментарии // Буонарроти Ф. Заговор во имя равенства. М.: АН СССР, 1963. Т. 2.
- [Дудышкин С.С.] Литературная летопись // Отечественные записки. 1863. № 10. С. 202–218.
- Елиферова М. Что делать с Чернышевским? // Вопросы литературы. 2007. № 5. С. 232–251.
- Капнист П. Роман, повесть и рассказ // Собрание материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие. СПб., 1865. С. 181–198.
- Катков М. Нигилизм: по брошюре проф. Цитовича «Что делали в романе “Что делать?”» // Московские ведомости. 1879. № 153 [от 16 июня].
- Кельсиев В.И. Из «Исповеди» // Н.П. Огарев в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1989. С. 374–383.
- Кирова К.Э. Жизнь Джузеппе Мадзини. М.: Наука, 1981. 184 с.
- Короленко В.Г. История моего современника // Короленко В.Г. Собр. соч.: в 10 т. М.: Гослитиздат, 1954. Т. 6. Кн. 2. 327 с.
- Красовский Ю.А. Женщина русской революции (Литературные и психологические аспекты архива Веры Фигнер) // Встречи с прошлым. М.: Советская Россия, 1982. Вып. 4. С. 330–363.
- Кропоткин П.А. Чернышевский и «Современник» // Кропоткин П.А. Идеалы и действительность в Русской литературе [курс лекций]. СПб.: Изд. тов. «Знание», 1907. С. 305–307.
- Крупская Н.К. Что нравилось Ильичу из художественной литературы. 1926 г. // О Ленине. М.: Политиздат, 1983. С. 97–101.
- Крупская Н.К. Что нравилось Ильичу из художественной литературы // Удар [альманах]. М.: Новая Москва, 1927. Кн. 1. С. 124–128.
- Ленин В.И. Что делать?: Наболевшие вопросы нашего движения // Ленин Н. [Сочинения]. Stuttgart: J.H.W. Dietz Nachf., 1902. 144 с.
- Лесков Н. Николай Гаврилович Чернышевский в его романе «Что делать?» // Северная пчела. 1863. СПб. № 142 [31 мая].
- Луначарский А. Чернышевский как писатель // Вестник Коммунистической академии. 1928. № 30. С. 17–40.
- Манова Е.Н. «...Сделать это издание я считал своим долгом» (к истории создания первого собрания сочинений Н.Г. Чернышевского) // Известия Саратовского университета. Сер.: История. Международные отношения. 2007. Т. 7. № 2. С. 89–95.
- Обязательный минимум содержания среднего (полного) общего образования. Приложение к приказу Минобразования России от 30.06.1999 № 56 // Кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/58860453> (дата обращения: 05.07.2019).
- Одесский М.П., Фельдман Д.М. Поэтика власти. Тираноборчество. Революция. Террор. М.: РОССПЭН, 2012. 263 с.
- [От редакции] Что мешает женщине быть самостоятельной? (По поводу романа Чернышевского «Что делать?») // Библиотека для чтения. 1863. Сентябрь. С. 1.

- Орсини Ф. Воспоминания. М.; Л.: Academia, 1934. 551 с.
- Писарев Д. Мыслящий пролетариат // Русское слово. 1865. № 1. Отд. 3. С. 1–42.
- Плеханов Г.Н. Н.Г. Чернышевский // Социал-демократ: Литературно-политическое обозрение. Женева, 1892. Кн. 4. С. 144–194.
- Плеханов Г.В. Н.Г. Чернышевский. СПб.: Изд. «Шиповник», 1910. 537 с.
- Пр. Знаменский [Курочкин В.С.]. Проницательные читатели (из рассказов о старых людях) // Искра. 1863. № 32. С. 421–429.
- Ростислав [Толстой Ф.М.] Лжемудрость героев Чернышевского // Северная пчела. 1863. СПб. № 138 [27 мая].
- Салтыков-Щедрин М.Е. Наша общественная жизнь // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. в 20 т. М.: Художественная литература, 1965. Т. 6. С. 7–380.
- Смирнов А. Николай Гаврилович Чернышевский // Русская старина. 1890. Т. 66. С. 449–465.
- Соловьев В.С. Из литературных воспоминаний. Н.Г. Чернышевский // Соловьев В.С. Письма. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1908. Т. 1. С. 271–282.
- Страхов Н. Счастливые люди // Библиотека для чтения. 1865. № 7–8. С. 142–166.
- Туниманов В.А. А.И. Герцен и русская общественно-литературная мысль XIX в. СПб.: Наука, 1994. 215 с.
- Тургенев И.С. Отцы и дети // Русский вестник. 1862. № 2. С. 473–663.
- Ц-ская [Водовозова Е.Н.] Что мешает женщине быть самостоятельной? (По поводу романа Чернышевского «Что делать?») // Библиотека для чтения. 1863. Сентябрь. С. 1–19.
- Чернышевский Н.Г. Что делать? Из рассказов о новых людях // Современник. 1863. № 3–5.
- Черткова Г.С. От Бабефа к Буонаротти: Движение во имя равенства, или Заговор равных? М.: МГУ 2003.
- Чешихин-Ветринский В.Е. Литературно-критическое движение шестидесятых годов // История русской литературы. М.: Мир, 1909. Т. 3. С. 71–159.
- Eisenstein E. The First Professional Revolutionist: Filippo Michele Buonarroti (1761–1837). Harvard, 1959. 215 p.
- Packe M.S.J. The Bombs of Orsini. Warburg, 1957. 313 p.
- Thorstensson V. The Dialog with Nihilism in Russian Polemical Novels of the 1860s–1870s: dissertation. University of Wisconsin-Madison, 2013. 501 p.

References

- Abramovich G.L., Brajnina B. Ya., Egolin A.M. Russkaya literatura: Uchebnik dlya 9 klassa srednej shkoly' [Russian literature: course book for 9th grade of middle school]. Moscow: Uchpedgiz, 1939. Part 2. 208 p. (In Russ.)
- Ajxenval'd Yu.I. Predislovie k tret'emu izdaniyu. Ajxenval'd Yu.I. Silue'ty' russkix pisatelej. [Preface to the third edition. Ajxenval'd Yu.I. The silhouettes of Russian writers]. Moscow: Tip. Kushnereva, 1911. Ed. 3. P. I–L. (In Russ.)
- Bakunin M.A. Knuto-germanskaya imperiya i social'naya revolyuciya. Bakunin M.A. Filosofiya. Sociologiya. Politika [Whip-German empire and the social revolution. Bakunin M.A. Philosophy. Sociology. Politics]. Moscow: Truth, 1989. P. 188–290. (In Russ.)
- Balagurov Ya.A. Avtor «Molodoj Rossii» (O Petre Grigor'eviche Zaichnevskom). Voprosy istorii [The author of «Young Russia» (on Peter G. Zaichnevsky. The Questions of history)]. 1972. N 7. P. 202–205. (In Russ.)
- By'kov D.L. Tajna Cherny'shevskogo. [Mystery of Chernyshevsky]. The Diletant. 2012. N 1. P. 86–92. (In Russ.)

Cherny'shevskij N.G. Chto delat'? Iz rasskazov o novy'x lyudyax. *Sovremennik* [What is to be done? From the tales about the new people. The Contemporary]. 1863. N 3–5. (In Russ.)

Chertkova G.S. Ot Babeŭa k Buonarroti: Dvizhenie vo imya ravenstva ili Zagovor ravnny'x? [From Babeuf to Buonarroti: The movement for equality or Conspiracy of the equal?]. Moscow: MGU, 2003. (In Russ.)

Cheshixin-Vetrinskij V.E. Literaturno-kriticheskoe dvizhenie shestidesyaty'x godov. *Istoriya russkoj literatury* [The Literary-critical movement of the sixties. The history of Russian literature]. Moscow: World, 1909. Vol. 3. P. 71–159. (In Russ.)

Cz-skaya [Vodovozova E.N.] Chto meshaet zhenshhine by't' samostoyatel'noyu? (Po povodu romana Cherny'shevskogo «Chto delat'?»). *Biblioteka dlya chteniya* [What prevents women from being independent? (On the novel «What is to be done?» by Chernyshevsky). The Library for reading]. 1863. September. P. 1–19. (In Russ.)

Dalin V.M. Kommentarii. Buonarroti F. Zagovor vo imya ravenstva [Dalin V.M. Commentary. Buonarroti F. Conspiracy in the name of equality]. Moscow: Academy of sciences of USSR, 1963. Vol. 2. (In Russ.)

[Dudy'shkin S.S.] *Literaturnaya letopis. Otechestvenny'e zapiski* [The literary chronicle. The Annals of Fatherland]. 1863. N 10. P. 202–218. (In Russ.)

Eisenstein E. *The First Professional Revolutionist: Filippo Michele Buonarroti (1761–1837)*. Harvard, 1959. 215 p.

Eliferova M. Chto delat' s Chernyshevskim? *Voprosy literatury* [What is to be done with Chernyshevsky? The Questions of literature]. 2007. N 5. P. 232–251. (In Russ.)

Gercen A.I. *Byloe i dumy. Gercen A.I. Sobr. soch. v 30 t.* [The past and the thoughts. Gercen A.I. Collection of works in 30 vol.]. Moscow: Academy of sciences of USSR, 1956. Vol. 10. 536 p. (In Russ.)

Gercen A.I. *Pis'ma 1867–1868 godov. Kn. 1* [Letters of 1867–1868. Book 1. Gercen A.I. Collection of works in 30 vol.]. Moscow: Academy of sciences of USSR, 1963. Vol. 29. 391 p.

Kapnist P. *Roman, povest' i rasskaz. Sobranie materialov o napravlenii razlichny'x otraslej russkoj slovesnosti za poslednee desyatiletie* [The novel, the novelette, the short story. Collection of materials about trends in Russian literature of past decade]. Saint Petersburg, 1865. P. 181–198. (In Russ.)

Katkov M. *Nihilizm: po broshyure prof. Citovicha «Chto delali v romane “Chto delat'?”»*. *Moskovskie vedomosti* [The nihilism: on the brochure of prof. Citovich «What were they doing in the novel What is to be done?» The Moscow news]. 1879. N 153. [from July 16]. (In Russ.)

Kel'siev V.I. *Iz «Ispovedi»*. N.P. Ogarev v vospominaniyax sovremennikov [From the «Confessions». N.P. Ogarev in the memories of his contemporaries]. Moscow: Fiction literature, 1989. P. 374–383. (In Russ.)

Kirova K.E'. *Zhizn' Dzhuzeppe Madzini* [The life of Dzhuzeppe Madzini]. Moscow: Nauka, 1981. 184 p. (In Russ.)

Korolenko V.G. *Istoriya moego sovremennika. Korolenko V.G. Sobr. soch.: V 10 t* [The history of my contemporary. Korolenko V.G. Collection of works in 10 vol.]. Moscow: Goslitizdat, 1954. Vol. 6. Book 2. 327 p. (In Russ.)

Krasovskij Yu.A. *Zhenshhina russkoj revolyucii (Literaturny'e i psixologicheskie aspekty' arxiva Very' Figner). Vstrechi s proshlym* [The women of Russian revolution (the literary and psychological aspects of the archive of Vera Figner). The meetings with the past]. Moscow: Soviet Russia, 1982. Iss. 4. P. 330–363. (In Russ.)

Kropotkin P.A. *Cherny'shevskij i «Sovremennik»*. Kropotkin P.A. *Idealy' i dejstvitel'nost' v Russkoj literatury [kurs lekciij]* [Cherbyshevsky and the «Contemporary». Kropotkin P.A. Ideals and reality in Russian literature]. Saint Petersburg: «Knowledge», 1907. P. 305–307. (In Russ.)

Krupskaya N.K. Chto nrazilos Il'ichu iz xudozhestvennoj literatury. 1926 g. O Lenine [What Ilyich liked from fiction. 1926. About Lenin]. Moscow, 1983. P. 97–101. (In Russ.)

Krupskaya N.K. Chto nrazilos Il'ichu iz xudozhestvennoj literatury. Udar [al'manax] [What Ilyich liked from fiction. The strike [almanac]]. Moscow: New Moscow, 1927. Book 1. P. 124–128. (In Russ.)

Lenin V.I. Chto delat?: Nabelevshie voprosy' nashego dvizheniya. Lenin N. [Sochinenia] [What is to be done? The most painful questions of our movement. Lenin N. [Writing]]. Stuttgart: J.H.W. Dietz Nachf., 1902. 144 p. (In Russ.)

Leskov N. Nikolaj Gavrilovich Cherny'shevskij v ego romane «Chto delat'?» Severnaya pchela [Nikolay Gavrilovich Chernyshevsky in his novel «What is to be done?». Northern bee]. 1863. Saint Petersburg. N 142 [May 31]. (In Russ.)

Lunacharskij A. Chernyshevskij kak pisatel. Vestnik Kommunisticheskoy akademii [Chernyshevsky as a writer. The messenger of the communist academy]. 1928. N 30. P. 17–40. (In Russ.)

Manova E.N. «...Sdelat' eto izdanie ya schital svoim dolgom» (k istorii sozdaniya pervogo sobraniya sochinenij N.G. Cherny'shevskogo). Izvestiya Saratovskogo universiteta [«... To do it I considered my duty» (to the history of creation of the first collection of works by N.G. Chernyshevsky. The messenger of Saratov university). Series: History. International relations. 2007. Vol. 7. N 2. P. 89–95. (In Russ.)

Obyazatel'ny'j minimum sodержaniya srednego (polnogo) obshhego obrazovaniya. Prilozhenie k prikazu Minobrazovaniya Rossii ot 30.06.99 N 56. [The compulsory minimum content of middle (full) universal education. Supplement for the decree of Russian ministry of education from 30 June 1999 N 56] The code. Electronic collection of legal and regulatory and technical documentation [Online resource]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/58860453> (date of access: 05.07.2019). (In Russ.)

Odessky M.P., Feldman D.M. Poe'tika vlasti. Tiranoborchestvo. Revolyuciya. Terror. [The poetics of power. Tyranny fighters. Revolution. Terror]. Moscow: ROSSPEN, 2012. 263 p. (In Russ.)

Orsini F. Vospominaniya [Memories]. Moscow, Leningrad: Academia, 1934. 551 p. (In Russ.)

[Ot redakcii] Chto meshaet zhenshhine by't' samostoyatel'noyu? (Po povodu romana Cherny'shevskogo «Chto delat'?»). Biblioteka dlya chteniya [What prevents women from being independent (On the novel «What is to be done?» by Chernyshevsky). The Reader's Library]. 1863. September. P. 1. (In Russ.)

Packe M.S.J. The Bombs of Orsini. Warburg, 1957. 313 p.

Pisarev D. My'slyashhij proletariat. Russkoe slovo [The thinking proletarians // The Russian word]. 1865. N 1. Section 3. P. 1–42. (In Russ.)

Plexanov G.N. N.G. Chernyshevskij. Social-demokrat: Literaturno-politicheskoe obozrenie [N.G. Chernyshevsky. The social-democrat: Literary and political review]. Geneva, 1892. Book 4. P. 144–194. (In Russ.)

Plexanov G.V. N.G. Cherny'shevskij [N.G. Chernyshevsky]. Saint Petersburg: Shipovnic, 1910. 537 p. (In Russ.)

Pr. Znamenskij [Kurochkin V.S.]. Proniczatel'ny'e chitateli (iz rasskazov o stary'x lyudyax). Iskra [Insightful readers (from the tales about the new people). Spark]. 1863. N 32. P. 421–429. (In Russ.)

Rostislav [Tolstoj F.M.]. Lzhemudrost' geroev Cherny'shevskogo. Severnaya pchela [Fake-wisdom of the Chernyshevsky heroes. The Northern Bee]. 1863. N 138 [May 27]. (In Russ.)

Saltykov-Shedrin M.E. Nasha obshhestvennaja zhizn'. Saltykov-Shedrin M.E. Sobr. soch. v 20 t. [Our social life. Saltykov-Schedrin M.E. Collected works in 20 vol.]. Moscow: Fiction literature, 1965. Vol. 6. P. 7–380. (In Russ.)

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

Smirnov A. Nikolaj Gavrilovich Cherny'shevskij. Russkaya starina [Nikolay Gavrilovich Chernyshevsky. The Russian antiquities]. 1890. Vol. 66. P. 449–465. (In Russ.)

Solov'ev V.S. Iz literaturny'j vospominanij. N.G. Cherny'shevskij. Solov'ev V.S. Pis'ma [From the literary memoirs. N.G. Chernyshevsky. Solov'ev V.S. The letters]. Saint Petersburg: Printing house of the Partnership «Public benefit», 1908. Vol. 1. P. 271–282. (In Russ.)

Straxov N. Schastlivy'e lyudi. Biblioteka dlya chteniya [The happy people. The library for reading]. 1865. N 7–8. P. 142–166. (In Russ.)

Thorstenson V. The Dialog with Nihilism in Russian Polemical Novels of the 1860s–1870s: the dissertation. University of Wisconsin-Madison, 2013. 501 p.

Tunimanov V.A. A.I. Gercen i russkaya obshhestvenno-literaturnaya my'sl' XIX v. [A.I. Herzen and the Russian social-literary thought of 19 century]. Saint Petersburg: Nauka, 1994. 215 p. (In Russ.)

Turgenev I.S. Otcy i deti. Russkij vestnik [Fathers and sons. The Russian messenger]. 1862. N 2. P. 473–663. (In Russ.)

Valentinov N.V. Iz knigi «Vstrechi s V.I. Leniny'm. Voprosy' literatury' [From the book «Meeting V.I. Lenin». The Questions of literature]. 1957. N 8. P. 126–134. (In Russ.)

Valentinov N.V. Vstrechi s Leniny'm [Meeting Lenin]. New York: Chalidze, 1953. 356 p. (In Russ.)

Vdovin A. XXX Mezhdunarodnaya konferenciya «Chernyshevskij i ego e'poxa» (Saratov, 23–24 oktyabrya 2008 g.). Novoe literaturnoe obozrenie [International conference «Chernyshevsky and his epoch» (Saratov, 23–24 October 2008). The new literary review]. 2009. N 96. P. 415–419. (In Russ.)

Vodovozova E.H. Sredi peterburgskoj molodezhi shestidesyaty'x godov [Among the Petersburg youth of the sixties]. Saint Petersburg: Tipography of 1st Petersburg labour artel. 1911. Part 3. P. 570–608. (In Russ.)